

DOI 10.15826/qr.2019.3.412

УДК 94(470.1/.2):351+354(470.1/.2)+353.1(470.1/.2)"1882/1883"

**«К СОЖАЛЕНИЮ, НЕ ОПОРУ, А СОПРОТИВЛЕНИЕ
ВСТРЕЧАЕТ ПРАВИТЕЛЬСТВО»: СЕНАТОРСКАЯ
РЕВИЗИЯ ПРИБАЛТИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ***

Наталья Дмитриева

Максим Крот

Южный научный центр РАН,
Южный федеральный университет,
Ростов-на-Дону, Россия

**“UNFORTUNATELY, THE GOVERNMENT HAS MET
RESISTANCE, NOT SUPPORT”: SENATORIAL
INSPECTION OF THE BALTIC PROVINCES**

Natalia Dmitrieva

Maxim Krot

Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia

This article considers the policies of the Russian Empire in the provinces of the Ostsee region in the early 1880s, namely the experience of a senatorial inspection of Livonia and Kurland provinces by N. A. Manasein. The purpose of the paper is to establish the role of the senatorial inspection in the elaboration of a new policy with respect to the Baltic provinces during the reign of Alexander III and to determine its specific features in comparison with earlier revisions. In order to solve the problem, the authors suggest approaching it from the standpoint of new political history, shifting attention from specific acts of state power meant to change the judicial and educational systems of the imperial outskirts to the existing practices of organising interaction between the centre and the periphery when developing a programme of reforms. The study is based on

* *Citation*: Dmitrieva, N., Krot, M. (2019). “Unfortunately, the Government Has Met Resistance, Not Support”: Senatorial Inspection of the Baltic Provinces. In *Quaestio Rossica*. Vol. 7, № 3. P. 851–868. DOI 10.15826/qr.2019.3.412.

Цитирование: Dmitrieva N., Krot M. “Unfortunately, the Government Has Met Resistance, Not Support”: Senatorial Inspection of the Baltic Provinces // *Quaestio Rossica*. Vol. 7. 2019. № 3. P. 851–868. DOI 10.15826/qr.2019.3.412 / *Дмитриева Н., Крот М.* «К сожалению, не опору, а сопротивление встречает правительство»: сенаторская ревизия прибалтийских губерний // *Quaestio Rossica*. Т. 7. 2019. № 3. С. 851–868. DOI 10.15826/qr.2019.3.412.

various archival and published historical sources. Some archival materials have never been analysed previously, which allows the authors to examine both the interpersonal relations of representatives of the empire with the local community and the process of developing a programme of reforms in the Ostsee region in the 1880s. The authors conclude that the inspection was conducted in order to gather material in accordance with a programme of reforms prepared beforehand. The government was interested in obtaining the basis for a policy of administrative and political incorporation of the periphery into the empire. To achieve this goal, the Russian autocracy spared neither human nor material resources.

Keywords: Ostsee Region; Russian Empire; senatorial revision; N. A. Manasein.

Статья посвящена политике Российской империи в отношении губерний Остзейского края в начале 1880-х гг., опыту проведения сенаторской ревизии Лифляндской и Курляндской губерний Н. А. Манасейным. Цель работы – раскрыть роль сенаторской ревизии в выработке новой политики в отношении прибалтийских губерний в период царствования Александра III, определить ее специфические черты в сравнении с ранее проводившимися ревизиями. Авторы предлагают переключить внимание с конкретных актов государственной власти по изменению административно-судебной и образовательной системы окраины на бытовавшие практики организации взаимодействия между центром и окраиной при выработке программы реформ, проанализировать их структурные особенности. Исследование основано на архивных и опубликованных исторических источниках различной видовой принадлежности, часть из которых вводится в научный оборот впервые, позволяя по-новому взглянуть как на межличностные отношения представителей империи с местным сообществом, так и на процесс выработки программы реформ в Остзейском крае в 80-е гг. XIX в. Ревизия была проведена с целью сбора материала в соответствии с заранее сформулированной программой реформ. Государственная власть была заинтересована в получении оснований для проведения политики административной и политической инкорпорации окраины в состав империи. Для достижения поставленной цели российское самодержавие не жалело ни людских, ни материальных ресурсов.

Ключевые слова: Остзейский край; Российская империя; сенаторская ревизия; Н. А. Манасейн; окраинная политика.

В современных исследованиях полиэтнических государственных образований актуализируется изучение вопросов национально-государственного устройства в исторической ретроспективе. Это обуславливает особый интерес к политическим практикам Российской империи при выстраивании взаимоотношений между имперским центром и национальными окраинами, зачастую имевший многомерный и ситуационный характер. В качестве отдельного сюжета в данном контексте можно рассматривать проблему инкорпорации при-

балтийских губерний в единое пространство Российской империи в последней четверти XIX в.

Александр III стал первым российским самодержцем, который при вступлении на престол официально не подтвердил привилегии остзейских немцев. Основу данных привилегий и специфического положения прибалтийских губерний в составе российского государства составлял Свод местных узаконений, действие которого было закреплено условиями Ништадтского мирного договора 1721 г. Остзейские немцы были представителями одной из немногих национальных элит, которой удалось сохранить права и привилегии практически в неизменном виде с момента вхождения в состав Российского государства. Тем не менее, сложный комплекс внутренних и внешних причин заставил имперское руководство озаботиться проблемой сохранения политического и административного доминирования в регионе. К внутренним причинам следует отнести процессы социальной и национальной мобилизации, протекавшие в различных регионах Российской империи вплоть до конца XIX в. Именно они с разной степенью интенсивности усиливали гетерогенность страны [Каппелер, с. 208]. Отсутствие единого административно-правового пространства отчетливо проявилось в период проведения Великих реформ. Проблема заключалась в разнице принципов, заложенных в основу деятельности прибалтийских и внутрироссийских органов местного самоуправления и суда. Специфику данному региону придавало и то обстоятельство, что на социальное противостояние различных слоев населения накладывалась межнациональная рознь, признаки которой стали особенно отчетливо проявляться в последней четверти XIX в. К исключительно внутренним факторам, обусловившим изменение правительственного курса в прибалтийских губерниях, следует добавить и весомые внешние причины – объединение Германии во главе с Пруссией и угрозу смены остзейскими немцами лояльности российскому императору на лояльность германскому кайзеру.

Обращение к вопросу о выработке политического курса империи в конце XIX в. по отношению к Остзейскому краю невозможно без изучения истории сенаторской ревизии Н. А. Манасеиным Лифляндской и Курляндской губерний, проходившей в 1882–1883 гг. Именно с ее результатами большинство современников и исследователей связывают поворот к русификации в политике царского правительства периода Александра III. Важным представляется не только анализ результатов ревизии, подробно представленных во всеподданнейшем рапорте Н. А. Манасеина, но и рассмотрение бытовавших практик организации взаимодействия между центром и окраиной при выработке программы реформ. В работе привлекаются источники, раскрывающие механизм подготовки, организации и проведения ревизии. Большим информационным потенциалом обладают материалы Министерства юстиции, вводимые в научный оборот впервые и содержащие подробные сведения о подготовке ревизии, подборе

Портрет Н. А. Манасейна. 1880-1890-е гг.

Portrait of N. A. Manasein. 1880s-1890s

людей, финансовом обеспечении и т. п. В неопубликованном варианте рапорта сенатора Н. А. Манасейна приводится подробное описание жизни окраины, полученное в ходе ревизии. Хранящиеся в РГИА крестьянские заявления и анкетные материалы дополняют опубликованные обращения учителей православных сельских народных училищ и православного духовенства [Дубьева, с. 330–377]. Чрезвычайно информативными для характеристики взаимодействия имперской власти в лице ревизирующего сенатора и местного населения представляются личные письма Н. А. Манасейна к В. К. Плеве, впервые вводимые в научный оборот.

Ревизия и предполагаемая смена политического курса в отношении привилегий остзейских немцев спровоцировали дискуссию в российской периодической печати. На страницах газет и журналов различной направленности отражены политические предпочтения ведущих представителей общественно-политической мысли России последней четверти XIX в. Дополнительные сведения по истории ревизии и восприятию русской общественностью перемены курса по крайнему вопросу содержат дневники и воспоминания высших государственных сановников и общественных деятелей.

Подобный подход, а также представительный корпус исторических источников позволяют отойти от традиционной для историографии констатации смены правительственного курса и обратиться к всестороннему анализу функционирования системы взаимодействия центра и периферии в Российской империи конца XIX в. Эти сюжеты рассмотрены с позиции новой политической истории, когда в центре внимания оказываются не конкретные акты государственной власти, а ее структурные элементы и алгоритмы политического поведения.

В отечественной и зарубежной историографии существует ряд исследований, затрагивающих вопросы сенаторской ревизии 1882–1883 гг. и политики русификации в Прибалтике в конце XIX в. В советский период этой проблемы касался признанный специалист по истории российского самодержавия конца XIX в. П. А. Зайончковский. Им отмечена роль Н. А. Манасейна как министра юстиции в проведении судебных и административно-полицейских реформ, которые значительно ослабили зависимость местного населения от немецкого дворянства [Зайончковский, с. 47]. Существенный вклад в изучение ревизии был внесен исследователями академий наук Латвийской

и Эстонской республик. В 1949 г. под редакцией А. А. Дризула была подготовлена наиболее полная на сегодняшний день публикация рапорта Н. А. Манасейна, изданная по машинописной копии, снятой в 1917 г. с черновика в Министерстве юстиции [Manaseina Revizija, s. 28]. В ее вводной статье делается вывод об отсутствии прямой связи между результатами ревизии и изменением политики империи на окраине. В дальнейшем эта точка зрения нашла отражение в статье эстонского исследователя И. С. Депмана, согласно которой чрезвычайно широкий размах ревизии почти не имел каких-либо реальных результатов. Автор объясняет это отставкой министра внутренних дел Н. П. Игнатьева, которая привела к отмене всех организованных им мероприятий [Депман, с. 144–146]. В 1961 г. было опубликовано две статьи, посвященных внешней и содержательной характеристике рапорта Н. А. Манасейна [Лаул, с. 147–159], а также анкетных материалов, собранных в ходе ревизии [Карма, Траат, с. 162–177]. Их авторы высказали противоположное мнение о последствиях ревизии, согласно которому рапорт Н. А. Манасейна послужил для царского правительства основой при определении дальнейшей политики в прибалтийских губерниях [Лаул, с. 159]. Промежуточную позицию по данному вопросу занимает современный исследователь Ирина Пярт: несмотря на то, что не все предложения ревизора были приняты, они послужили основой для разработки реформ и нового законодательства для остзейских губерний [Пярт, с. 78–79]. В зарубежной историографии по данной проблеме следует выделить работы Э. К. Тадена, посвященные как непосредственно ревизии [Thaden], так и более широкой проблеме «русификации» прибалтийских губерний и Финляндии [Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914]. На наш взгляд, автор дает наиболее взвешенную оценку изучаемой проблеме. Признавая влияние ревизии Н. А. Манасейна на смену правительственного курса, он призывает не переоценивать ее, так как при ее проведении были проигнорированы предложения о реформе сельского хозяйства.

Ревизия Н. А. Манасейным Лифляндской и Курляндской губерний в 1882–1883 гг. не была новым явлением для империи. Проводившиеся еще со времен Петра I для сбора сведений с целью оценки деятельности и выявления злоупотреблений должностных лиц судебно-административных учреждений на местах с 1880 г. сенаторские ревизии расширяют свою программу. В ходе ревизий, инициатором которых выступил М. Т. Лорис-Меликов, впервые производится сбор сведений с целью разработки дальнейших преобразований с учетом уже сложившегося положения. «Программа, данная сенаторам... затрагивала и экономический быт крестьян, и народное образование, и положение раскола, и податную систему, касалась, одним словом, всех важнейших сторон местной народной жизни» [Внутреннее обозрение, с. 825]. Ревизия прибалтийских губерний продолжила начинания 1880–1881 г. по обоим направлениям.

Ее программа была настолько широкой (вопросы для ревизии были сформулированы и переданы из министерств внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ, путей сообщения, морского и от обер-прокурора святейшего синода), что император Александр III вмешался лично и позволил сенатору заниматься разработкой данных вопросов лишь по мере возможности [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 3].

Ревизия проводилась с целью сбора сведений для реализации плана широкого реформирования Прибалтийского края. О существовании подобного плана свидетельствует не только рапорт самого сенатора, в котором отмечается «потребность собрать о действительном положении вещей в упомянутом крае бесспорные данные, которые представлялись необходимыми для соображения при предполагаемом введении в оном правительством некоторых реформ», но также упоминается секретное письмо министра внутренних дел министру юстиции от 2 января 1882 г. № 2, содержащее этот план. Сохранилась также переписка министра юстиции Д. Н. Набокова с министром финансов Н. Х. Бунге, в которой при обсуждении финансовой составляющей проведения ревизии первый настаивает на том, что

...изменение или сокращение предположенного комплекта чиновников, имеющих быть командированными в распоряжение тайного советника Манасеина, повлияет как на достоинство добытых ревизией материалов, так и на продолжительность ее производства и, таким образом, в сущности, не уменьшит расходов (далее абзац зачеркнут карандашом. – Н. Д., М. К.), отсрочит лишь предполагаемые в прибалтийских губерниях преобразования, к введению которых может быть приступлено только по выполнении сенатором Манасеиным высочайше возложенного на него поручения [РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 190. Л. 6 об. –7].

Главной целью этих преобразований объявлялось объединение Прибалтийского края с остальными частями Российской империи посредством распространения достижений Великих реформ на данный регион. Одной из первых ступеней в этом процессе при новом императоре должно было стать введение мировых судебных учреждений, запланированное еще в 1881 г.

Поводов для проведения ревизии в Прибалтийском крае у имперского руководства к 1882 г. набралось достаточно. В своем итоговом рапорте сенатор Н. А. Манасеин отмечал наличие накануне ревизии многочисленных ходатайств дворянства Лифляндской губернии, поступавших в Министерство внутренних дел, с просьбами о принятии правительственных мер к подавлению будто бы развивавшейся среди населения прибалтийских губерний агитации социал-демократического характера [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 2]. Подобную точку зрения высказывал и министр внутренних дел Н. П. Игнатьев

в беседе с А. А. Башмаковым (подготовившим и издавшим мемуары графа). По словам министра, остзейские немцы решили воспользоваться стремлением властей «искоренить крамолу» после преступления 1 марта 1881 г. В Петербург была направлена «знатная депутация местных баронов», которая заявила:

...та крамола, которая убила царя, свила себе опасное гнездо в латышском населении, а потому необходимо в интересах государственного порядка дать прибалтийскому дворянству более сильную власть над народом [Игнатъев, с. 304].

Сохранившиеся в архиве канцелярии Министерства внутренних дел обращения лифляндского губернатора барона А. А. Иксуля фон Гильденбандта 1881 г. свидетельствуют о том, что попытки усилить контроль со стороны дворянства над эстонским и латышским населением действительно предпринимались. Однако «волнения и тревожные настроения», подобные тем, которые «замечены и в других частях империи», в Лифляндской губернии имели в большей степени «не антиправительственный оттенок, а характер национального антагонизма между непривелегированными и привелегированными классами населения» [РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 684. Л. 1]. В качестве методов борьбы с разрастающимся межнациональным конфликтом губернатором были предложены весьма традиционные меры усиления контроля деятельности не только эстонских и латышских частных обществ, но и отдельных частных лиц. Роль коронной администрации в данном мероприятии сводилась к выпуску объявления о запрещении частным лицам и обществам обсуждать вопросы законодательства и управления, что, по мнению губернатора, «крайне успокоило бы лифляндское дворянство» [Там же. Л. 4 об.]. На эти и все последующие обращения барона Иксуля министр внутренних дел ответил отказом.

С другой стороны, обращения поступали и от разных представителей эстонской и латышской народностей, жаловавшихся, в свою очередь, на притеснения со стороны немецкого дворянства, а также на неудовлетворительное состояние местных учреждений [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 2–2 об.]. 10 января 1882 г. либеральная газета «Голос» опубликовала в разделе «Хроника» известие, которое, по мнению редакторов, могло быть оценено по достоинству всеми: «решено назначить сенаторскую ревизию трех прибалтийских губерний – Эстляндской, Лифляндской и Курляндской». В качестве причины для данного решения она называет тяжелое положение местного населения: «Эсты и латыши давно уже умоляют о назначении подобной ревизии; не могут быть против и немцы – это значило бы, что немцам есть что скрывать» [Хроника, 1882а, с. 2]. Также сохранились свидетельства о депута-

циях в Петербург не только прибалтийских дворян, но и крестьян. По данным газеты «Русский курьер», в конце марта – начале апреля 1882 г. в столице находилась депутация курляндских крестьян, которые прибыли «с ходатайством перед правительством об обеспечении их быта». Крестьяне жаловались на баронов-землевладельцев, которые сгоняют их с земель [Хроника, 1882с, с. 2]. Обращает на себя внимание тот факт, что подобного рода жалоба была подана и на имя ревизирующего сенатора, который только планировал отбыть в Остзейский край. Таким образом, объемный материал, собранный в ходе ревизии, начал формироваться еще до прибытия на место самого ревизора. 20 января 1882 г.

...вследствие сообщенной министру юстиции министром внутренних дел высочайшей воли о производстве через сенатора временного обозрения губерний Лифляндской и Курляндской во всех отношениях государственного управления и по всеподданнейшему докладу министра юстиции... последовало высочайшее соизволение на возложение ревизии тех губерний на сенатора Манасеина [Хроника, 1882b, с. 2].

В Ригу же ревизор приедет только 12 мая 1882 г.

Не случайным представляется выбор в качестве ревизора сенатора Н. А. Манасеина. В своих записках граф Н. П. Игнатьев указывает, что эту кандидатуру императору предложил именно он. Александр III, отмечая при обсуждении предстоящей ревизии, что дело предстоит трудное и сложное, задал министру внутренних дел вопрос, имеется ли у него на примете способное для решения такой задачи лицо. Игнатьев предложил Манасеина, так как «железная воля этого человека» была ему известна по процессу игуменьи Митрофании, которой, несмотря на широкую поддержку высокопоставленных духовных и светских лиц, был вынесен обвинительный приговор по делу о подлоге векселей на сумму свыше нескольких сотен тысяч рублей [Игнатьев, с. 305; Депман, с. 145–146]. А. Г. Гасман, один из сотрудников Министерства юстиции, участвовавший в проведении ревизии, указывает, что инициативу Н. П. Игнатьева поддержал и министр юстиции Д. Н. Набоков [Гасман, с. II]. Упорство и настойчивость Н. А. Манасеина были известны и другим его современникам. А. Ф. Кони, например, характеризовал его как человека «кропотливого в работе и входившего во всякие мелочи», но не обладавшего широтой государственных взглядов.

Уже во время ревизии... губерний Прибалтийского края отсутствие этой широты в связи с большой страстностью сказалось в ряде действий... обостривших местную племенную розню [Кони, с. 529].

В воспоминаниях близкого друга Н. А. Манасеина В. Станкевича указывается на знакомство Александра III еще до вступления на пре-

стол с убеждениями сенатора «как человека искренно русского и преданного престолу» [Станкевич, с. 11]. Именно такой исполнительный, кропотливый, дотошный, а главное, «искренно русский» человек был отправлен ревизовать Прибалтийский край. Власти рассчитывали, что привлечение Н. А. Манасеина к ревизии позволит собрать максимальное количество материала для обоснования проведения реформ, направленных на интеграцию края в структуру империи и устранение судебно-административных и хозяйственных его особенностей.

Ревизия проходила по сформулированным различными министерствами вопросам, которые включали сбор подробных сведений: о поземельном и общественном устройстве крестьян и лежащих на них повинностях (причины медленных темпов перехода земли в частную собственность крестьян, источники социальной мобильности данного сословия, потребности в изменении системы крестьянских учреждений, посильность для крестьян налогового обложения и повинностей); о взимании с православного населения сборов на содержание лютеранского духовенства и школ; о системе управления лютеранской церковью и пасторами; о состоянии сельских народных школ для православного и лютеранского населения; о возможности введения в делопроизводство местных органов управления русского языка; о распространении и положении местных (эстонского и латышского) языков; о деятельности местных полицейских органов; о возможности введения в прибалтийских губерниях земских учреждений, о целесообразности современного территориального деления Остзейского края, о деятельности местных латышских и эстонских частных обществ, относительно местной печати [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 555. Л. 1–11].

Для обеспечения возможности сбора ответов на вышеперечисленные вопросы с Н. А. Манасеиным была отправлена группа подготовленных чиновников Министерства юстиции, состав и количество которых отличались от предыдущих ревизий. Сенатором было запрошено разрешение на привлечение девяти старших и шести младших чиновников (ревизии трех внутренних губерний 1880–1881 гг. обходились пятью старшими и пятью младшими чиновниками), на что обратил внимание министр финансов Н. Х. Бунге. Увеличивалась стоимость ревизии из-за привлечения двух переводчиков, выросли канцелярские расходы ввиду потребности в писцах, знавших не только русский, но и немецкий язык [РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 190. Л. 4–4 об.]. Однако по причине важности ревизии для дальнейшего реформирования края министр финансов вынужден был удовлетворить все первоначальные запросы Министерства юстиции. Кроме канцелярских расходов, все командируемые в Остзейский край для ревизии чиновники получали подъемные, а также суточные и квартирные, которые были им выплачены в мае 1882 г. [Там же. Л. 13 об.], ввиду чего прибыть в Ригу сенатор и сопровождающие его лица смогли

только 12 мая 1882 г. В первые четыре месяца из имперской казны на ревизию было выделено 39 тыс. руб.¹ Несмотря на все доводы министра финансов Н. Х. Бунге, личное обращение министра юстиции Д. Н. Набокова к императору решало вопросы об увеличении финансовых затрат положительно. Александр III утвердил все дополнительные расходы, и ревизирование Лифляндской и Курляндской губерний продолжилось вплоть до 31 августа 1883 г. [РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 190. Л. 104 об.].

Основная работа заключалась в сборе информации и материалов, которые позволили бы дать ответы на поставленные министерствами вопросы, что заняло больше 15 месяцев. В ходе ревизии было собрано огромное количество анкетных данных, полученных от волостей на распространенные среди них опросные листы [Карма, Траат, с. 175]. Кроме этого, сохранились частные и коллективные заявления и обращения крестьян, православного духовенства и интеллигенции непосредственно к ревизору.

В ходе ревизии на имя Н. А. Манасеина было подано более 20 тыс. прошений и жалоб представителями сельского населения, уполномоченными от волостных правлений и сходов [ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 553. Л. 3]. О сложностях, с которыми пришлось столкнуться во время проведения ревизии, Н. А. Манасеин упоминает в первой части рапорта: это проблема перевода прошений и жалоб (они преимущественно были на эстонском и латышском), сопротивление со стороны местной полиции (преувеличенные или ложные донесения о крестьянских выступлениях и бунтах), сопротивление сбору сведений со стороны выборных органов местного самоуправления и коронной администрации (например, рассылка и сбор анкет на местах). Если итоговый рапорт Н. А. Манасеина носит обобщающий характер, то в анкетах и обращениях можно найти подробное описание существовавших проблем. Жалобы поступали на взимание с крестьян натуральных повинностей в двойном размере, недостачи в магазинах ввиду перепродажи волостными старшинами зерна, незаконное присоединение крестьянских земель к мызным землям имений, нарушение арендных договоров со стороны собственников земли, изъятие помещиками денег из волостных касс, неспособность и нежелание приходских судов разбирать дела, связанные с подобного рода нарушениями, и т. п. [РГИА. Ф. 1590. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–5 об., 13–16, 20–20 об.].

Православные священники жаловались как на материальные ограничения и стеснение православной церкви на местах (устройство храмов, условия для проживания причтов, образование православных школ), так и на ограничение православных в праве занимать судебные и административные должности даже на низшем уровне, например, волостных старшин и писарей [Дубьева, с. 347, 351].

¹ Ср.: стоимость ревизии сенатора М. Е. Ковалевского в трех губерниях (Казанской, Уфимской и Оренбургской) в 1880–1881 гг. составила 41 тыс. руб. [РГИА. Ф. 1405. Оп. 82. Д. 190. Л. 96–96 об.].

Дополнительные сведения о примерах нарушения законов при заключении купчих контрактов, которые были обнаружены в ходе ревизии, содержатся в письмах Н. А. Манасена к В. К. Плеве, занимавшему на тот момент должность директора Департамента государственной полиции. В купчие контракты помещиками, вопреки крестьянскому законодательству, вводились дополнительные условия, ограничивавшие права собственности крестьянина или регламентировавшие судопроизводство в случае нарушения контракта. Например:

Проданные усадьбы до окончания выплаты покупной суммы могут быть во любое время отняты по самым ничтожным предложениям (напр., просрочка в платеже на 2 дня), у покупателей продается с аукционных торгов их имущество, и они идут по миру нищими – батраками. Даже и после окончательной уплаты крестьянин-собственник не может учредить у себя никакого промышленного заведения... а помещик сохраняет право на недра проданной земли, на рытье на ней по своему усмотрению канавы, право охоты (со скачкой с борзыми по засеянной поляне) и т. д. [ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 873. Л. 18 об. –19].

Достаточно близкие отношения между Н. А. Манасениным и В. К. Плеве, обусловленные продолжительной совместной службой в Министерстве юстиции, делают вышеуказанные письма уникальным источником для описания взаимоотношений ревизора с коронной администрацией в лице губернатора, с местными органами самоуправления и немецким дворянством. Губернатору Лифляндии барону А. А. Иксулю в письмах дана весьма нелицеприятная характеристика: «хваленый или, лучше сказать, умеющий себя хвалить, губернатор барон Иксуль» оказался, по словам Манасенина, человеком «весьма сомнительных нравственных качеств, самым ярким противником ревизии сенаторской и самым первым распространителем всяких нелепых толков» [ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 873. Л. 10]. Подобное негативное отношение к ревизии было обусловлено проверкой губернского правления, в деятельности которого были обнаружены существенные нарушения финансового характера. Еще до окончания ревизии 19 ноября 1882 г. на основании донесений Н. А. Манасенина барон А. А. Иксуль был отстранен от должности губернатора Лифляндской губернии. Особо была отмечена пронемецкая позиция губернатора, которая выразилась в полной его зависимости от ландратской коллегии Риги – самого влиятельного дворянского совета Лифляндии, «в полнейшем подчинении которому находятся все дворяне... все судебные и полицейские власти» [Там же. Л. 16].

Через рижскую ландратскую коллегию выстраивались взаимоотношения между ревизором и местными органами власти, и именно «столичным» лифляндским дворянам Н. А. Манасенин впервые озвучил в общих чертах программу реформирования Остзейского края. Более подробно сенатор описал ее в письме к В. К. Плеве, выделив

шесть ключевых пунктов с их подробным описанием и приведя замечания еще по двум направлениям.

На первом месте стоит аграрный вопрос, решение которого сводится к более четкой в соответствии с законом регламентации передела земель и к прекращению продолжавшихся отторжений крестьянских земель в пользу помещиков. Н. А. Манасеин отрицает возможность получения крестьянами помещичьей земли в собственность или аренду по правительственной оценке. «Ошибку, сделанную около 70 лет назад при освобождении крестьян без земли, теперь уже поправить невозможно». Еще одним пунктом предложенной программы стала отмена патроната, в соответствии с которым помещики могли назначать пастора «вопреки единогласному желанию всего оставшегося населения прихода». Проблему с пасторами, которые владели землей практически наравне с помещиками, предлагалось решить двумя способами: отобрать землю в пользу казны для продажи или сдачи в аренду эстонским и латышским крестьянам, и перевести богословский факультет из Дерпта в Санкт-Петербург, что привело бы к сближению студентов из Остзейского края с русской культурой. Одним пунктом в программу были внесены реформы полиции, земская и судебная.

Реформы должны были реализовываться в указанном порядке, так как самая большая проблема заключалась в местном полицейском произволе. Решить ее, по мнению сенатора, можно было, только исключив выборное начало, сделав полицию в прибалтийских губерниях «коронной». Земство должно было быть максимально близким по своему устройству к русскому, с возможностью равного представительства помещиков, других владельцев собственности, а также арендаторов. Только после проведения полицейской и земской реформ возможно было введение института мировых судей. Специфика региона наталкивала Н. А. Манасеина на идею временного назначения мировых судей через «коронную» администрацию. Отдельно рассматривался вопрос о пересмотре правил заключения купчих контрактов, описанный выше. И последним пунктом в программе стоит изменение административно-территориального деления Остзейского края. Предлагалось из трех губерний сделать две, в основу их разделения положить принцип национальной принадлежности по языку, чтобы облегчить введение русского языка в делопроизводство:

Получилось бы две губернии, почти равные по пространству и населению (около миллиона душ в каждой), оказалась экономия в управлении, удобство для служащих знать только один местный язык – латышский или эстонский [ГАРФ. Ф. 586. Оп. 1. Д. 873. Л. 17–21 об.].

Структурно рапорт Н. А. Манасеина повторяет приведенную программу, каждый из его разделов посвящен конкретной проблеме. Обращает на себя внимание дата написания письма – 15 августа 1882 г.

Через три месяца после начала активной фазы ревизии план преобразований в общих чертах был готов. В рапорте отсутствуют предложения относительно переноса богословского факультета, более подробно раскрыты этапы реализации программы реформ. Обращает на себя внимание и то, что рапорт не ограничивается сводом данных и материалов, полученных в ходе ревизии. Н. А. Манасеин для большей доступности и доказательности своих идей приводит исторические справки по большинству вопросов. Таким образом, целевая аудитория – император и министры – получали возможность понять глубинные причины сложившегося в крае неудовлетворительного состояния дел. Несмотря на желание Александра III сделать «всеподданнейший рапорт» Н. А. Манасеина достоянием общественности, чтобы «заблуждение лиц, не знакомых с действительным положением Прибалтийского края, могло бы прекратиться» [Свод высочайших отметок, с. 87], только в 1906 г. в «Вестнике Европы» была анонимно опубликована небольшая его часть под названием «Крестьянское дело в Лифляндской губернии» [Н. М.]. На высочайшую отметку Александра III в отчете эстляндского губернатора С. В. Шаховского за 1886 г. «Почему они (материалы ревизии. – Н. Д., М. К.) не были напечатаны?» ответа не последовало [Свод высочайших отметок, с. 88].

Проведение ревизии в прибалтийских губерниях вызвало неоднозначную реакцию в российском обществе, отразив существование двух лагерей – либерального и консервативного. Либеральное направление, представленное газетой «Голос», возлагало большие надежды на сенаторскую ревизию, которая должна была стать прологом расширения уже существовавшей на территории прибалтийских губерний системы местного самоуправления [Санкт-Петербург, с. 1]. Опыт местного самоуправления остзейских губерний рассматривался либеральной общественностью в качестве положительного примера для расширения прав внутрироссийских губернских и уездных органов управления. Особенно актуальным этот вопрос представлялся после известия о создании 20 октября 1881 г. Особой комиссии для составления проектов местного управления (Кахановской комиссии). Материалами для работы данной комиссии послужили результаты именно сенаторских ревизий, проведенных в девяти европейских губерниях в 1880–1881 гг. В связи с этим отношение либерально настроенной русской общественности к специфической административной системе, существовавшей в Остзейском крае, выражалось в бинарной оппозиции. Наличие развитой системы общественного самоуправления на выборных началах с вековыми традициями не могло не вызывать восхищения, однако узкая социальная база этих органов, включавшая только привилегированное сословие, дворянство, подвергалась осуждению.

Иную позицию занимала консервативная газета «Гражданин». В 1882 г. на ее страницах была опубликована статья К. Н. Леонтьева «Остзейцы», суть которой сводилась к отрицанию «уравнительных»

реформ 1860–1870-х гг. Автор утверждал, что основой российского самодержавия в Остзейском крае всегда было немецкое дворянство, которое «верой и правдой служило России и будет еще служить, если мы его будем щадить» [Леонтьев, с. 189]. Единственный, по его мнению, способ «щадить» остзейских немцев – оставить в неизменном виде сословные привилегии и дворянские местные органы управления. Более того, автор выступал не только против «эсто-латышской демократизации», но и против русификации края. Подобного мнения придерживался также видный публицист и писатель консервативного толка К. Ф. Головин, который в своих воспоминаниях характеризовал правление Александра III как эпоху «решительного торжества политики механического слияния». Старания навязать «русский тулуп» всем инородческим национальностям, православного попа – всем иноверцам, русский язык – всем говорящим на иных языках сделались главным мотивом правительственной деятельности, и «незабвенная ревизия прибалтийских губерний» явилась проявлением революционно-официальной русификации [Головин, с. 117–118]. Разделявший точку зрения К. Н. Леотьева и К. Ф. Головина В. П. Мещерский высмеивал особое отношение Н. А. Манасеина к обращениям крестьян и пренебрежительное невнимание к нуждам остзейского дворянства в опубликованных на страницах «Гражданина» фельетонах [Сценка из одной ревизии; Корчма].

Несмотря на то, что после проведения ревизии в течение девяти лет (1885–1894) Н. А. Манасеин занимал пост министра юстиции Российской империи, его имя в большей степени связывали с посещением им двух прибалтийских губерний. В какой-то степени ревизия 1882–1883 гг. стала нарицательной. Каждый раз, когда возникала потребность «навести порядок» на одной из национальных окраин, вспоминали опыт ревизии Лифляндской и Курляндской губерний. В 1893 г. эстляндский губернатор С. В. Шаховской в неофициальной переписке с Н. А. Манасеиным жаловался на местное немецкое дворянство, предположив, что проведение ревизии по опыту десятилетней давности могло бы изменить ситуацию. Однако к тому времени расстановка сил в имперском руководстве стала иной и делала подобного рода мероприятие невозможным. По мнению автора,

...если бы – что, впрочем, решительно невероятно – и удалось устроить назначение такой ревизии, то, пожалуй... вышло бы еще хуже; я более чем уверен, что И. Н. (Дурново. – *Н. Д., М. К.*) провел бы своего кандидата из оппортунистов в роде Иксюля, Шевича, Медема или и еще того хуже. Весьма грустно, но так [ОР РНБ. Ф. 246. Д. 79. Л. 30].

Позже, в 1898 г., Н. И. Бобриков, занявший пост генерал-губернатора Великого княжества Финляндского, в переписке с В. К. Плевелем высказал точку зрения, схожую с мнением С. В. Шаховского, пожелав ревизии и для Финляндии:

Для более основательного и всестороннего выяснения современного положения Финляндии необходимо желать произвести в ней ревизии русскими людьми. По примеру ревизии сенатора Манасеина остзейским губерниям, по всей вероятности, и ныне были бы добыты данные, выясняющие современное состояние местных учреждений края [ОР РНБ. Ф. 585. Д. 28. Л. 10–10 об.].

В. Станкевич в воспоминаниях о Н. А. Манасеине указал два важных последствия проведенной ревизии для самого сенатора: его заметил император Александр III и назначил министром юстиции, а также к многочисленным врагам Николая Авксентьевича примкнула целая национальность [Станкевич, с. 11]. Косвенным подтверждением этого утверждения могут служить наблюдения начальника Лифляндского губернского жандармского управления при отъезде ревизора из Риги 31 августа 1883 г., отправленные товарищу министра внутренних дел, командиру Отдельного корпуса жандармов П. В. Оржевскому. Отсутствие на «официальных проводах высших коронных лиц» председателя казенной палаты, управляющего акцизами и государственным имуществом, предводителя дворянства, бургомистра, городского головы и всех начальников сословных немецких учреждений было воспринято им как «некоторого рода демонстрация, направленная против самого правительства» [ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 792. Л. 1 об. –2].

С момента включения при Петре I в состав России первых территорий будущего Остзейского края и до начала царствования Александра III эта национальная окраина сохраняла в ключевых моментах все особенности своего экономического, социального и культурного уклада. Прибалтийские губернии были ярким пятном на стремившейся к административной гомогенности империи, особенно в пореформенный период.

Ревизия Лифляндской и Курляндской губерний 1882–1883 гг. стала важным шагом на пути к выработке новой политики империи, направленной на экономическую, политическую и культурную инкорпорацию окраины. Ревизия не носила спонтанного характера и продолжила опыт 1880–1881 гг., имея целью сбор материала, который мог стать основанием для проведения широкого круга реформ, идея которых была сформулирована еще в период царствования Александра II, а план конкретных преобразований выработан и реализован при Александре III. Личная заинтересованность императора в ревизии и смене курса отразилась как в широком финансировании проводимого мероприятия, так и в последовавших за ней реформах. Несмотря на нереализованность всего комплекса мероприятий, предлагаемых Н. А. Манасеиным, в частности в области землепользования, собранный в ходе ревизии материал стал основанием для изменения политики имперского правительства в прибалтийских губерниях в сфере судопроизводства. Произошел постепенный отказ от традиционного принципа выстраивания отношений

между империей и окраиной, основанного на поддержке лояльности местной дворянской элиты. На замечание в 1885 г. эстляндского губернатора С. В. Шаховского о невозможности допустить, чтобы правительство искало опору в дворянских консервативных элементах Прибалтийского края, Александр III ответил, что, «к сожалению, не опору, а сопротивление встречает правительство в этом элементе» [Свод высочайших отметок, с. 88].

Список литературы

- Внутреннее обозрение // Вестн. Европы. 1892. Т. 3. Кн. 6. С. 824–827.
 ГАРФ. Ф. 102. Оп. 79. Д. 792; Ф. 586. Оп. 1. Д. 873; Ф. 677. Оп. 1. Д. 553, 554, 555.
Гасман А. Г. Николай Авксентьевич Манасеин (некролог) // Журн. М-ва юстиции. 1895. Т. 10. С. I–X.
Головин К. Ф. Мои воспоминания : в 2 т. СПб. : Типолит. Т-ва «Свет», 1910. Т. 2. 274 с.
Депман И. О назначении сенатора Н. А. Манасеина ревизором Лифляндской и Курляндской губерний // Изв. Акад. наук ЭССР. Серия общественных наук. 1961. Т. 10. № 2. С. 144–146.
Дубьева Л. В. Ревизия сенатора Н. А. Манасеина в Прибалтийских губерниях в отражении современных ей архивных документов (1882–1883) // Русский сборник : исследования по истории России / ред.-сост. О. Р. Айрапетов, М. А. Колеров, Б. Мининг, А. Ю. Полунов, П. Чейсти. М.: Модест Колеров, 2016. Т. 19. С. 330–377.
Игнатъев Н. П. Сан-Стефано : записки графа Н. П. Игнатъева с примечаниями А. А. Башмакова и К. А. Губастова. Пг. : Тип. Т-ва А. С. Суворина : Новое время, 1916. 359 с.
Капеллер А. Россия – многонациональная империя : Возникновение. История. Распад. М. : Прогресс – Традиция, 2000. 342 с.
Карма О., Траат А. Об анкетных материалах, собранных в ходе ревизии сенатора Н. А. Манасеина // Изв. Акад. наук ЭССР. Серия общественных наук. 1961. Т. 10. № 2. С. 160–175.
Кони А. Ф. На жизненном пути : в 5 т. СПб. : Тип. Т-ва печ. и изд. дела «Труд», 1912. Т. 1. Из записок судебного деятеля. Житейские встречи. 679 с.
 Корчма // Гражданин. 1882. № 93. С. 17.
Лаул Э. О рапорте сенатора Н. А. Манасеина Александру III // Изв. Акад. наук ЭССР. Серия общественных наук. 1961. Т. 10. № 2. С. 147–159.
Н. М. Крестьянское дело в Лифляндской Губернии : Исторический очерк по данным сенаторской ревизии 1882–1883 гг. // Вестн. Европы. 1906. Т. 6. Кн. 12. С. 673–705. ОР РНБ. Ф. 246. Д. 79; Ф. 585. Д. 28.
Пярт И. Прерванный эксперимент? Политика правительства Александра III в прибалтийских губерниях // Родина. 2015. № 2. С. 78–80.
 РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 684; Ф. 1405. Оп. 82. Д. 190; Ф. 1590. Оп. 1. Д. 1.
 Санкт-Петербург // Голос. 1882. № 8. 13 (25) янв. С. 1.
 Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1881–1890 гг. генерал-губернаторов, начальников областей и градоначальников. СПб. : Гос. тип., 1893. 522 с.
Станкевич В. И. Николай Авксентьевич Манасеин (дружеские воспоминания). Калуга : Тип. губерн. правления, 1895. 44 с.
 Сценка из одной ревизии // Гражданин. 1882. № 93. С. 16–17.
 Хроника // Голос. 1882а. № 5. 10 (22) янв. С. 2.
 Хроника // Голос. 1882б. № 19. 24 янв. (5 февр.). С. 2.
 Хроника // Голос. 1882с. № 85. 2 (14) апр. С. 2.
 Manaseina Revizija. Senatora N. Manaseina zinojums par vina izdarito reviziju Vidzemes un Kurzemes gubernas no 1882. līdz 1883. Gadam // Materiali Latvijas PSR vestures petisanai / red. A. Drizulis. Rīga : Latvijas Valsts Izdevniecība, 1949. 506 p.

Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914 / ed. by E. C. Thaden. Princeton : N. Y. : Princeton Univ. Press, 1981. 512 p.

Thaden E. C. N. A. Manaseins Senatorenrevision in Livland und Kurland während der Zeit von 1882 bis 1883 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1969. Neue Folge. Bd. 17. H. 1. März. S. 45–58.

References

Depman, I. (1961). O naznachenii senatora N. A. Manaseina revizorom Liflyandskoi i Kurlyandskoi gubernii [On the Appointment of Senator N. A. Manasein as Auditor of Livonia and Kurland Provinces]. In *Izvestiya Akademii Nauk ESSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. Vol. 10. No. 2, pp. 144–146.

Dub'eva, L. V. (2016). Reviziya senatora N. A. Manaseina v Pribaltiiskikh guberniyakh v otrazhenii sovremennykh ei arkhivnykh dokumentov (1882–1883) [Revision Carried out by Senator N. A. Manasein in the Baltic Provinces in the Reflection of Modern Archival Documents (1882–1883)]. In Airapetov, O. R., Kolerov, M. A., Menning, B., Polunov, A. Yu., Chaisty, P. (Eds.). *Russkii sbornik: issledovaniya po istorii Rossii*. Moscow, Modest Kolerov. Vol. 19, pp. 330–377.

GARF [State Archive of the Russian Federation]. Stock 102. List 79. Dos. 792; Stock 586. List 1. Dos. 873; Stock 677. List 1. Dos. 553, 554, 555.

Gasman, A. G. (1895). Nikolai Avksent'evich Manasein (nekrolog) [Nikolay Avksentyevich Manasein (Obituary)]. In *Zhurnal Ministerstva yustitsii*. Vol. 10, pp. I–X.

Golovin, K. F. (1910). *Moi vospominaniya v 2 t.* [My Memories. 2 Vols.]. St Petersburg, Tipolitografiya Tovarishchestva “Svet”. Vol. 2. 274 p.

Ignat'ev, N. P. (1916). *San-Stefano: zapiski grafa N. P. Ignat'eva* [San Stefano. Notes of Count N. P. Ignatiev] / notes by A. A. Bashmakov, K. A. Gubastov. Petrograd, Tipografiya Tovarishchestva A. S. Suvorina – “Novoe vremya”. 359 p.

Kappeler, A. (2000). *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad* [Russia – a Multinational Empire. Emergence. History. Collapse]. Moscow, Progress-Traditsiya. 342 p.

Karma, O., Traat, A. (1961). Ob anketnykh materialakh, sobrannykh v khode revizii senatora N. A. Manaseina [About Survey Materials Collected during the Inspection Visit of Senator N. A. Manasein]. In *Izvestiya Akademii Nauk ESSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. Vol. 10. No. 2, pp. 160–175.

Khronika [Chronicle]. (1882a). In *Golos*. No. 5. January 10 (22), p. 2.

Khronika [Chronicle]. (1882b). In *Golos*. No. 19. January 24 (February 5), p. 2.

Khronika [Chronicle]. (1882c). In *Golos*. No. 85. April 2 (14), p. 2.

Koni, A. F. (1912). *Na zhiznennom puti v 5 t.* [On the Path of Life. 5 Vols.]. St Petersburg, Tipografiya Tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela “Trud”. Vol. 1. Iz zapisok sudebnogo deyatelya. Zhiteiskie vstrechi. 679 p.

Korchma [Tavern]. (1882). In *Grazhdanin*. No. 93, p. 17.

Laul, E. (1961). O raporte senatora N. A. Manaseina Aleksandru III [On the Report of Senator N. A. Manasein to Alexander III]. In *Izvestiya Akademii Nauk ESSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. Vol. 10. No. 2, pp. 147–159.

Manaseina Revizija. Senatora N. Manaseina zinojums par vina izdarito reviziju Vidzemes un Kurzemes gubernas no 1882. lidz 1883. Gadam. (1949). In Drizulis, A. (Ed.). *Materiali Latvijas PSR vestures petisanai*. Riga, Latvijas Valsts Izdevnieciba. 506 p.

N. M. (1906). Krest'yanskoe delo v Liflyandskoi gubernii. Istoricheskii ocherk po dannym senatorskoi revizii 1882–1883 gg. [Peasant Activity in Livonia Province. A Historical Essay Based on the Data of the Senator's Inspection Visit of 1882–1883]. In *Vestnik Evropy*. Vol. 6. Book 12, pp. 673–705.

OR RNB [Manuscript Department, National Library of Russia]. Stock 246. Dos. 79; Stock 585. Dos. 28.

Paert, I. (2015). Prervannyi eksperiment? Politika pravitel'stva Aleksandra III v Pribaltiiskikh guberniyakh [Interrupted Experiment? The Policy of the Government of Alexander III in the Baltic Provinces]. In *Rodina*. No. 2, pp. 78–80.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 1282. List 1. Dos. 684; Stock 1405. List 82. Dos. 190; Stock 1590. List 1. Dos. 1.

Sankt-Peterburg [St Petersburg]. (1882). In *Golos*. No. 8. January 13 (25), p. 1.

Stankevich, V. I. (1895) *Nikolai Avksent'evich Manasein (druzheskie vospominaniya)* [Nikolay Avksentyevich Manasein (A Friend's Memories)]. Kaluga, Tipografiya Gubernskogo pravleniya. 44 p.

Stsenka iz odnoi revizii [A Scene from One Inspection Visit]. (1882). In *Grazhdanin*. No. 93, pp. 16–17.

Svod vysochaishikh otmetok po vsepoddanneishim otchetam za 1881–1890 gg. general-gubernatorov, nachal'nikov oblastei i gradonachal'nikov [A Compilation of the Highest Marks for All Reports for the Years 1881–1890 Governors-General, Heads of Regions and Town Governors]. (1893). St Petersburg, Gosudarstvennaya tipografiya. 522 p.

Thaden, E. C. (1969). N. A. Manaseins Senatorenrevision in Livland und Kurland während der Zeit von 1882 bis 1883. In *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 17. H. 1. März, S. 45–58.

Thaden, E. C. (Ed.). (1981). *Russification in the Baltic Provinces and Finland: 1855–1914*. Princeton, N. Y., Princeton Univ. Press. 512 p.

Vnutrennee obozrenie [Internal Review]. (1892). In *Vestnik Evropy*. Vol. 3. Book 6, pp. 824–827.

The article was submitted on 15.03.2019